

АНТИМИРЫ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Крейсер туманного неба

Денис КУПРИЯНОВ

Небесные Корсары

Денис Куприянов

Крейсер туманного неба

«Яуза»

2014

Куприянов Д. В.

Крейсер туманного неба / Д. В. Куприянов — «Яуза»,
2014 — (Небесные Корсары)

В этом мире нет суши, и люди живут и умирают в небесах. На этой планете много лет полыхает беспощадная война – но броненосцы бороздят не морские просторы, а облачный океан. Летающие дредноуты против высотных авианосцев! Рейдеры туманного неба против воздушных армад! Стратосферный крейсер «Денис Давыдов» принимает неравный бой!

© Куприянов Д. В., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Денис Куприянов

Крейсер туманного неба

...Первая волна колонизации открытого космоса пришла на середину XXIII столетия. Десятки огромных кораблей, каждый из которых нес сотни тысяч замороженных в стасисе людей, с околосветовой скоростью были направлены к наиболее перспективным системам. Большинство из колонистов знали, на какой идут риск. Почти четверть кораблей потерпели аварии или просто исчезли в темных глубинах мрачного космоса. Из оставшихся примерно треть разбились при посадке. Тем не менее, несмотря на неудачи, колонизация продолжалась, и уже к концу XXV столетия Метрополия имела сведения о двадцати трех заселенных мирах. Наступление Столетия Безумия нарушило зарождающиеся связи, и контакт с большинством колоний был утрачен.

Эпоха Великого Возрождения снова вернула людям космос. Открытие темпорального двигателя позволило осуществлять вещи, считавшиеся ранее невозможными. Отныне полет даже на другой конец галактики занимал несколько дней, а не миллионы лет. Это повлекло за собой Вторую волну колонизации, а также попытки восстановить связь с утраченными поселениями. Четыре колонии сохранили достаточный технологический потенциал и сведения о Метрополии, что позволило быстро установить контакт. Три оказались погибшими. Остальные шестнадцать, лишенные доступа к производству высоких технологий, находились в относительном упадке. Документы, касающиеся Метрополии, были утрачены, но память о ней осталась в виде сборника легенд и сказаний. Что касается социально-экономического строя, почти все колонии скатились в феодализм.

Мировой Совет вынес решение не устанавливать контактов с бывшими поселениями, но, поддерживая наблюдение за ними, проводить исследования. По официальной версии, это было сделано для сохранения уникальной культуры, возникшей во время Столетия Безумия. Неофициальная же причина до сих пор не разглашается, что позволяет делать выводы...

(История Третьего тысячелетия)

...Для исследователя Ириния представляет собой настоящий рай в плане неведомого. Во-первых, вся ее поверхность состоит из многокилометровых толиц сверхтекучей воды, а подобное явление считается уникальным. Мало того, структура воды такова, что любой предмет, соприкоснувшийся с поверхностью, вне зависимости от массы и состава, в считанные минуты погружается вглубь. Из-за этого ее свойства первая и вторая экспедиции потеряли в совокупности сорок два исследовательских зонда. Используя дистанционные сенсоры, удалось выяснить, что глубина океана составляет порядка двадцати двух километров.

Но на этом чудеса не кончаются. Самой главной, будоражащей миллиарды умов тайной Иринии являются ее летающие острова. Мало кто может поверить в то, что над поверхностью воды могут летать громадные куски суши, причем размеры некоторых из них сопоставимы с небольшими материками. Тем не менее такие острова существуют, и благодаря наблюдениям за туземцами очень быстро удалось установить истинную причину данного явления.

Дело крылось в ранее неизвестном науке минерале, названном турбанием в честь профессора Анатолия Турбанова, впервые открывшего и исследовавшего его. Было выяснено, что этот материал под воздействием магнитного поля планеты приобретал невероятную подъемную силу. Именно благодаря турбанию гигантские острова парили в небесах, словно именно там и было их истинное место.

Фактически вся жизнь, испокон веков существовавшая на этой планете, подвержена влиянию этого минерала. Многие животные приобрели способность парить в воздухе, что

позволяло им перемещаться на огромные расстояния. Исполинские облачные киты, реюющие воздушные угри, свирепые и опасные небесные крокодилы – все они, безусловно, выдающиеся представители местной фауны, представляющей огромный интерес для науки.

Также стоит упомянуть такое явление, как мистерий. На местном наречии так называется специфический туман, очень часто покрывающий поверхность океана. Эти загадочные испарения наполнены концентратом турбания и представляют собой немалую угрозу, прежде всего тем, что в местах их образования чаще всего происходят выбросы новых кусков суши. Учитывая, что последствия подобных выбросов часто оканчиваются катастрофами, местные жители очень обеспокоены любой формой их проявления.

Кроме того, мистерий является фактором сильных электромагнитных помех. Из-за этого радиосвязь на Иринии используется либо лишь на короткие расстояния, либо на сверхдальние, с использованием системы искусственных спутников, выведенных в верхние слои атмосферы. По этой же причине на планете не развилось высокоточное оружие, а электроника до сих пор остается в зачаточном состоянии.

Тем не менее все это не мешает потомкам колонистов бороздить небеса, используя агрегаты, в основу движения которых положен все тот же турбаний. Существует два способа его применения. Первый заключается в создании искусственных электромагнитных полей, которые повышают полетные свойства минерала. Правда, даже в этом случае имеется потолок, который он преодолеть не в состоянии. Десять километров – это предел, на который способен доставить груз турбаний-двигатель.

Второй способ требует значительной ловкости, поскольку он сопряжен с опасностью. Создавая особый температурный режим, можно создать локальный эффект мистерия, позволяющий турбанию двигаться не только вертикально вверх, но и по горизонтальной траектории. В качестве топлива при этом используются различные горючие материалы, начиная от местных смол и заканчивая искусственным бензином.

Надо заметить, что подобная особенность привела к тому, что местные жители стали в буквальном смысле хозяевами небес. Тяжелые корабли, словно сошедшие с обложек старинных романов, рассекают воздух, не обращая внимания на многокилометровую высоту. Транспортные, пассажирские, боевые и прочие достойные внимания суда, несомненно, являются символом Иринии. И возможно, рано или поздно, когда будет получено разрешение на контакт, мы с вами тоже сможем насладиться небесными просторами этой крайне интересной планеты.

(«Планета Загадок» – выдержка из третьего номера «Чудеса Галактики»)

Глава 1

Короткая пулеметная очередь пробила фонарь черного «Хаунда». Ганбот тут же покачнулся и стал медленно заваливаться на борт, постепенно переходя в штопор. Витгефт вяло проводил его взглядом, моментально забыв о нем. Главная цель ждала его впереди, и, если отвлекаться на подобную мелочевку, можно было вообще до нее не добраться.

– Шульц, что там?! – крикнул он стрелку, сидящему сзади.

– Прорвались! – бодро отозвался тот. – Правда, «желторотиков» уже начали щипать. Да и наши большей частью завязли. Хотя нет, Окунев прорвался, идет за нами.

Витгефт позволил себе немного расслабиться. Даже если у него и не выйдет, то этот лихач точно не промажет. «Желторотиков», конечно, жалко, но свою задачу оттянуть на себя силы прикрытия они выполняют.

Вообще, ситуация вышла аховая. Силы Рианского альянса в достаточной степени контролировали этот регион, поэтому очередной конвой, направлявшийся на Треугольник с подкреплением, имел чисто символическое прикрытие. Старый крейсер, два эсминца и пара случайно прибившихся эскортных авианосцев. Подобных сил должно было хватить, чтобы отбиться от случайного рейдера. Но никто не мог предположить, что конфедераты преподнесут такой сюрприз.

Шесть дредноутов конфедерации в глубоком тылу – это воистину сюрприз. Причем в месте, где, как назло, поблизости не имелось никаких крупных военных баз. Оставалось лишь взывать о помощи и надеяться на милость небес. Ну, или на худой конец на то, что рядом пройдет достаточно крупный военный отряд.

Транспорты тут же принялись разбегаться в разные стороны, но шансов у них не было. Дредноуты, даже будучи относительно медленными судами, имели превосходство в скорости. Да им и не требовалось играть в догонялки, достаточно было приблизиться на расстояние выстрела, а там уже всю работу делали тяжелые орудия. Вся надежда возлагалась лишь на то, что корабли эскорта сумеют задержать врага хоть на какое-то время.

Учитывая то, что тяжелые орудия конфедератов били в три раза дальше, шансы на успешный исход боя резво стремились к нулю. Уже в первые пять минут боя крейсер «Счастливец Петер» получил два «чемодана», моментально заставившие его покинуть поле боя. Поскольку один из снарядов разорвался прямо под боевой рубкой, то в данный момент крейсер полностью лишился командования и представлял собой легкую добычу. Эсминцам везло больше, им удалось подобрать дистанцию, с которой их орудия хоть как-то могли доставать до врага, но, к сожалению, максимум, что могли сделать их пятидюймовые скорострелки, так это вызвать локальные пожары на палубах. Конечно, многое бы решила торпедная атака, но такого шанса конфедераты им давать не собирались.

Не обращая внимания на мелюзгу, строй дредноутов постепенно занимал главенствующую высоту, с которой мог с легкостью расстреливать расплывавшиеся во все стороны транспорты. У конвоя оставался последний шанс, чтобы хоть как-то задержать зарвавшегося врага. Авианосцы, вначале отбежавшие в сторону, поспешно выпускали свое самое грозное оружие – тяжелые штормовые ганботы класса «Акула».

Обычно большую часть экипажей составляли свежеиспеченные выпускники Императорской Летной Академии, направлявшиеся к месту прохождения службы. Но здесь противника ждал сюрприз: два полноценных звена «Небесных корсаров», выдающихся экспертов по борьбе с тяжелыми кораблями, под руководством майора Дмитрия Витгефта. Именно на них и были возложены все надежды конвоя.

Ответственность за такое серьезное поручение не тяготила майора, хотя он отлично понимал, что в таком положении мало что может сделать. Штурмовать тяжелый корабль

силами всего двух машин, притом что по всем уставам для выполнения подобного требуется не меньше трех десятков ганботов? Подобное попахивало изощренным способом самоубийства.

До замыкающего дредноута оставалось около двух километров, когда его зенитчики наконец смогли выделить в небе одиночную цель и открыть по ней огонь. К счастью, большая часть среднего калибра в данный момент пыталась достать юркие эсминцы, все еще пытавшиеся выйти на дистанцию торпедной атаки, поэтому у Витгефта был один, хотя и не очень надежный шанс.

Тяжелые курсовые пулеметы «Акулы» хлестнули по кормовому мостику корабля, пытаясь хоть как-то ослабить огонь. Немного сумели подсобить и эсминцы, давшие прицельный залп по атакуемому дредноуту, выпустив с предельной дистанции рой торпед. Часть зениток замолчала всего на пару секунд, разрываясь между двумя целями, но для Витгефта это время и было той самой единственной возможностью.

Резким маневром он сумел уклониться с линии огня и, прежде чем его вновь успели взять на прицел, рванул ввысь, одновременно сбрасывая бомбу, нацеленную аккуратно между башен. В то место, где, как знал Дмитрий, броня верхней палубы не отличалась особой толщиной и где, по странному стечению обстоятельств, находился снарядный погреб орудий главного калибра.

Бомба пошла прямо в цель, но каким-то шестым чувством Витгефт осознал, что удача его подвела. В небольшое зеркало, встроенное в обтекатель, он успел увидеть, что смертоносный груз зацепился за одну из надстроек, которая сбила его траекторию, и, от ricochetив от башни, врезался прямо в мостик, где и взорвался. Дредноут встряхнуло – двухсоткилограммовая бомба несла достаточно взрывчатки, чтобы понаделать дел. Правда, особого ущерба корабль не понес, но зато это попадание сильно облегчило работу лейтенанта Окунева. Взрывная волна и осколки полностью вывели из строя все зенитные автоматы, поэтому ганбот произвел бомбардировку практически в тепличных условиях.

Второй взрыв был куда мощнее, хотя и не настолько, как рассчитывал майор. Похоже, погреб оказался почти пустым или его конструкцию изрядно доработали, в противном случае дредноут летел бы сейчас навстречу мрачным черным волнам. Тем не менее повреждения оказались довольно существенными, корабль потерял ход и теперь медленно, но верно отставал от строя.

– Что будем делать, майор? – Стрелок по-прежнему не терял бодрости духа и оптимизма. – Вернемся на старину «Фридриха», возьмем еще пару бомб и повторим по новой?

– И потеряем двадцать минут, – сухо отозвался Витгефт. – А за это время они перещелкают половину транспортов. Лучше попробуем выбить еще хотя бы один.

– Чем?! – хохотнул Шульц. – «Последним шансом»? Да проще облачного кита охотничьим гарпуном подцепить, чем поцарапать эти махины нашей крохотулей.

Майор промолчал, признавая правоту своего стрелка, но иного выхода не видел. Так уж получилось, что сумрачный гений, создавший данную модель ганбота, непонятно почему решил, что штурмовик должен быть многофункциональным. Идея, в принципе, неплохая, но вот реализация заставляла сомневаться в адекватности лица, придумавшего ее. И вот уже на протяжении трех лет каждая из «Акул» снабжалась встроенным торпедным аппаратом, несшим одну малую сверхлегкую торпеду NG-12.

Пилоты ругались и обещали засунуть оную торпеду конструктору в известное место, поскольку из-за нее были вынуждены брать вдвое меньший бомбовый груз, чем позволяла нагрузка машины. Максимум, на что хватало этой полутораметровой сигары, так это перебить выходящие на поверхность подъемные контуры у транспортников, и в таком случае атака двух-трех машин могла действительно сбить корабль. Но с тяжелыми судами, уязвимые места которых надежно прикрывались толстой броней, подобные фокусы не проходили.

Конечно, можно было попытаться прорваться к боевой рубке и попробовать хоть на время лишить корабль управления, но, как подозревал майор, командование корабля изна-

чально укрылось на центральном посту, откуда их можно было выковырять только главным калибром линкоров.

– Головным идет «Кинг»? – вдруг пробормотал Витгефт, прокручивая в голове внезапно возникшую идею.

– Да, – ответил стрелок. – Но что это дает?

– Многое, – перед глазами майора сами собой появились схемы чертежей кораблей противника, на которых он своими руками делал пометки. – Если пройти от пехотной палубы впритирку вдоль борта и зайти снизу, там есть коридор между башен. Мы сможем проскочить прямо под стволами зениток, и в этом случае есть шанс повредить руль.

– Не прорвемся, – категорично ответил Шульц. – Но попробовать стоит.

– Мне бы радио, – с тоской пробурчал Витгефт, мысленно ругая командование, посадившее его группу на устаревшие машины. – Как я теперь соберу своих охламонов? Ладно, подавай сигнал.

Ганбот резво устремился вперед, а на его хвосте часто-часто замигал сигнальный фонарь. Парные вспышки, чередовавшиеся короткими паузами, – сигнал «Идем за мной». В условиях всеобщей свалки слабо верилось, что кто-то сумеет его разглядеть, но иного выхода у Дмитрия не оставалось.

– Окунев с нами! – выкрикнул через несколько секунд Шульц. – И вроде барон Миллер пристроился.

– Толстун ни за что не упустит случая заработать себе очередной крест, – проворчал майор.

Принятое им решение заходить с обстреливаемой стороны казалось в данном случае единственно верным. Конечно, был немалый риск попасть под разрыв своего же снаряда, но, с другой стороны, работа облегчалась тем, что часть зенитных орудий и их расчетов уже успели выйти из строя благодаря многочисленным попаданиям. Скорострелки эсминцев сделали свое дело, выбив немало легкой артиллерии, располагавшейся на палубе. Оставалось опасаться только казематных орудий и стрелков на пехотной палубе.

Как и следовало ожидать, больше всего проблем доставила именно пехота. Похоже, чтобы возместить потерю зениток, стрелки выкатили все имевшееся в наличии тяжелое вооружение, сконцентрировав на трех ганботах разрушительный огонь. Прикусив губу до крови, Витгефт маневрировал, пытаясь сбить прицел, но цепочки трассеров все ближе и ближе подбирались к его машине.

Справа и слева протянулись дымные следы. Машины Окунева и Миллера открыли огонь из всего, что у них имелось в наличии, стремясь проредить толпу стрелков. Через секунду ударили курсовые пулеметы командирской машины: Шульц также спешил внести свою лепту в общее дело, обрушив на конфедератов свинцовый шквал.

До борта дредноута оставалась всего пара сотен метров, когда его курс пересекся с одной из прицельных очередей. Лобовое стекло тут же украсилось одинокой пробоиной. Витгефт почувствовал, как пуля просвистела почти в упор, но времени на переживания не оставалось. Машину ощутимо затрясло, что означало наличие серьезных повреждений, но руль, слава небесам, все еще его слушался. Заложив вираж и перевернувшись вверх брюхом, майор фактически прижался к броне корабля противника, чувствуя, что лишь пара метров отделяет его от бронированной поверхности.

Голова стала наливаться кровью, началось головокружение, но пилот продолжал уверенно вести машину вдоль днища корабля. Справа и слева мелькали орудийные башни, спешно разворачивавшиеся, чтобы остановить прорвавшуюся машину, но они просто не успевали за юрким ганботом.

Прошло не больше десятка секунд, и перед Дмитрием вырос грибовидный выступ рулевой системы корабля. Потoki мистерия вырывались из его сопел, создавая отталкивающую

силу и задавая курс. Взгляд майора был устремлен к точке, где выступ сходил с корпусом. Именно там находилась самая уязвимая точка конструкции, и, не медля ни секунды, пилот выпустил торпеду.

Мощный взрыв на мгновение скрыл его от стрелков, дав возможность отлететь подальше. Несколько трасс, протянувшихся следом, были выпущены уже скорее из злобы, чем в надежде достать наглую машину. Но продолжения не последовало, и майор тревожно выкрикнул:

– Шульц!

Молчание стрелка встревожило, и Витгефт поспешил обернуться. Голова его напарника лежала на рукояти пулемета, заливая его кровью. Та единственная пуля, пробившая фонарь, все-таки нашла свою цель.

– Черт!

Майор в бессильном гневе осмотрел все видимое пространство и не обнаружил следов ни Окунева, ни Миллера. Те словно растворились в бесконечных небесных просторах.

– Черт! Черт! Черт! – продолжал он, забыв все прочие ругательства.

Увы, его действия не очень помогли флоту. Да, флагман начал выкатываться из строя, кормовой дредноут сильно горел и терял ход, но остальные бодро поливали огнем разбегавшиеся транспортники. Атаки на остальные корабли не принесли особого эффекта, лишь группа майора сумела добиться хоть какого-то результата. И, к своему отчаянию, он не мог разглядеть прочих ганботов своего отряда. Лишь остатки «желторотиков» продолжали самоотверженно кидаться на машины прикрытия.

– Возвращаемся на борт! – Внезапно оживило радио, к сожалению, работавшее только на прием. – Повторяю, возвращаемся на борт. Помощь близка!

Ганбот Витгефта, набравший порядочную высоту, позволил пилоту изучить положение дел с наилучшей точки обзора. Действительно, с юга на помощь избиваемому конвою спешили три боевых корабля: два старых броненосца, которые уже должны были пустить на слом лет двадцать назад, и один тяжелый крейсер альянса. Для шестерки дредноутов подобная компания не представляла особой угрозы, теоретически они могли разобраться с ней в течение получаса. Вот только этого времени у них не было, да и нужно понимать, что, в отличие от эсминцев, не следовало ожидать игры в одни ворота.

В подтверждение мыслей майора крейсер начал пристрелку с максимальной дистанции, заставляя уже дредноуты начать маневр уклонения. Командующий рейдом, видимо, осознал, что любое промедление может только еще больше ухудшить ситуацию. Флагман, отчаянно маневрируя двигателем, сумел занять место в строю, уводя его на запад. Учитывая, что в том районе как раз начало формироваться облако мистерия, это выглядело наиболее разумным решением. Там рейдеры могли оторваться от преследования, зализать раны и выбрать подходящий путь отхода. Или, напротив, попытаться повторить свою миссию, но уже в ином секторе.

Витгефт устало сжал штурвал, понимая, как сильно его вымотал этот бой. В течение каких-то пятнадцати минут он потерял почти всех своих друзей и сам чуть было не распрощался с жизнью. Но осознание всего в полной мере придет только после посадки, майор хорошо это знал. За последние пять лет Дмитрий пережил множество подобных вылетов. Вылетов, после которых хочется орать из-за терзающей душу боли...

Глава 2

– Капитан! «Молнии» по курсу пять-восемь-три!

– Вижу! – Возглас сигналиста привел к тому, что лицо Роджера Дрейка перекосила хищная ухмылка, заставляя находящихся на мостике офицеров содрогнуться в восторженном ужасе. Уж им-то было хорошо известно, что прозвище Пират их командир получил вовсе не из-за звучной фамилии. – Жирные такие, прямо просятся, чтобы их отправили на дно.

На самом деле «Молнии» были самыми обычными, ничем не выделяющимися среди кораблей данного класса. Но всем, даже самому последнему юнге, было известно, какие именно «нежные чувства» питает их командир к этим судам. И оставалось лишь молиться, что очередная эскапада Дрейка не приведет их к гибели.

– Осмелюсь заметить, – осторожно начал старший офицер. – Мы так и не привели в порядок силовую установку. Боюсь, что гонки с «Молниями» нам не под силу.

– А кто говорит о гонках? – удивленно хмыкнул Дрейк. – Я, по-вашему, не знаю, что их только на гоночном катере догнать и можно?!

– Но в Кошачьей бухте вы именно это и пытались проделать...

– Там была иная ситуация, – отмахнулся капитан. – А здесь и сейчас они сами идут к нам в руки!

Взгляды офицеров вновь устремились к двум серебристым корпусам, напоминавшим стремительных хищных щучек. «Молнии» считались относительно новым типом кораблей, разработанным конструкторами конфедерации после того, как адмиралтейство пришло в ужас от цифр, в которые им обходится содержание тяжелого флота. Согласно новой концепции было решено создать быстрые, маневренные и, самое главное, недорогие суда, способные представлять угрозу для любого типа вражеского корабля.

На деле вышло следующее: обтекаемый корпус, лишенный каких-либо выступов, действительно дал изрядную прибавку в скорости, разве что юркие ганботы могли соперничать с ними. Но, с другой стороны, в боевом плане «Молнии» серьезно уступали большинству кораблей, даже одноклассных классов. Практически вся артиллерия была упрятана в казематы, не давая возможности вести эффективный, концентрированный огонь в любом направлении. Сами суда получились хрупкими и выводились из строя несколькими попаданиями из орудий среднего калибра. Имелся даже прецедент атаки одинокого штурмовика, сумевшего поразить двигательную установку.

Однако имелось одно весомое «но», заставлявшее флоты других стран серьезно считаться с этой моделью. Неизвестно, было ли это гениальным прозрением или актом отчаяния, но создатели «Молнии» сумели разместить на ней тяжелое четырнадцатидюймовое орудие. Правда, для этого пришлось многим пожертвовать: в частности, изрядно уменьшить вес заряда, чтобы корабль не отбрасывало назад отдачей. Саму пушку намертво закрепили, сведя таким образом все наведение нацеливанием носовой части в нужном направлении. Зато в итоге получили боевую машину, способную быстро и незаметно подобраться к кораблю противника и выстрелить практически в упор. Причем в отличие от медленных и массивных торпед увернуться или сбить подобный снаряд не было ни малейшей возможности.

Теоретически считалось, что отряд «Молний» одной удачной атакой мог сбить несколько тяжелых кораблей, хотя на практике подобное удалось всего пару раз, и то лишь благодаря стечению обстоятельств. Но зато для транспортников данные корабли стали самой серьезной проблемой. Правда, и у самих «Молний» имелись серьезные противники, и один из них в данный момент как раз вел охоту.

В свое время капитан Дрейк стал свидетелем одной из удачных операций этих юрких кораблей. Подробности не раскрывали, но все боевые товарищи в один голос заявляли, что

при виде «Молний» он просто сходил с ума, на глазах превращаясь в яростного берсерка. На деле, конечно, подобное случалось крайне редко. Обычно Роджер сохранял рассудок, что, правда, не особо спасало врага, для которого он был опасен в любом состоянии.

Противник, судя по его беспечному поведению, не догадывался, что за ним наблюдают. Эсминец «Бурный», с борта которого и велось наблюдение, в данный момент бесшумно завис в пограничной зоне мистерия. Сенсоры и радары его здесь не засекали, а визуально он определялся как бесформенная тень, больше напоминающая кусок скалы. Учитывая, что последние здесь были привычным явлением, оставалось надеяться на то, что и наблюдатели «Молний» не станут обращать внимания на еще одну тень.

– Дистанция восемь шестьсот, – продолжал докладывать сигналист. – Скорость тридцать.

– Куда они так плетутся, – пробормотал старший офицер. – Мину, что ли, углядели?

– Не волнуйтесь так, Аристарх Иванович, – на удивление вежливо ответил Роджер. – Все идет по плану. Кстати, что это наша артиллерия не докладывает?

– Дистанция велика, – сухо ответил Герхард Кнут, заведовавший всей артиллерией «Бурного». – Прежде чем мы их накроем, они успеют удрать. Разве что попробуем эту новомодную проводную управляемую торпеду.

– Позвольте напомнить вам, сколько раз на учениях вы ими попадали в цель. Если мне не изменяет память, то лишь одна из трех шла туда, куда вам было нужно. На мой взгляд, подобная статистика неприемлема в нашей ситуации, – капитан вновь принял к биноклю и продолжил наблюдение. – Хотя, возможно, торпедистам придется поработать, но по более близкой цели.

– Они идут к пещере! – наконец сообразил старший офицер, заметив, что «Молнии» вильнули в сторону, направившись к еще одному ничем не примечательному обломку скалы. Разумеется, не примечательному для тех, кто не был в курсе ситуации.

Три дня назад, когда «Быстрый» прибыл в этот квадрат, Роджер приказал внимательно изучить все более-менее крупные куски суши. Зная о контрабандистском прошлом капитана, никто не стал задавать вопросов. Все привыкли, что чаще всего он оказывался прав. Не стал исключением и этот случай.

На второй день поисков они наткнулись на остров, который насквозь пронзала пещера, достаточно широкая, чтобы через нее мог пройти небольшой корабль. Такой, как «Быстрый» – ну или... «Молния». Тот факт, что это место активно эксплуатируется конфедератами, раскрылся достаточно быстро, когда там обнаружилась свалка с пустыми консервными банками, остатками продуктовых контейнеров и толстый телефонный кабель, проходящий через всю пещеру.

По приказу капитана корабельные инженеры аккуратно повредили кабель – так, на всякий случай. Тогда это выглядело безумной прихотью, поскольку команда считала, что правильной будет забрать вражеское имущество, но сейчас казалось достаточно дальновидным.

– Что и требовалось доказать, – наконец произнес Роджер. – У них тут неплохая засада: два корабля, каждый на своем конце пещеры, и между ними телефонная линия. Таким образом, они могут вести наблюдение, охватывая практически все обозримое пространство. Учитывая, что к западу от нас находится Треугольник, а к востоку Вертиго, место они выбрали крайне удачное, аккуратно между самых горячих точек.

– Теперь понятно, что случается здесь с одиночными кораблями, – проворчал старший офицер. – На крупные конвои они не полезут, но отбившийся транспорт или легкий патрульный корабль собьют без проблем.

– Ну, значит, пора закрыть эту лавочку, – прошептал капитан и более зычным голосом добавил: – Мы атакуем! Но медленно. Ждем, пока они скроются в пещере.

Взгляды стоящих на мостике скрестились на двух полускрытых в тумане тенях. «Молнии» наконец достигли места своей засады и теперь, сбавив ход до минимума, влетали в пещеру. Судя по скорости и слаженности работы, они проделывали это не в первый раз, и через

пару минут первый корабль исчез внутри скалы. За ним последовал второй, и именно в этот момент «Быстрый» сорвался с места.

Напряжение достигло максимума. Все молчали, опасаясь, что слова смогут преодолеть такое расстояние и достигнуть ушей врага. По флоту уже давно ходили слухи о мощных звукоуловителях, стоящих на судах противника, и, как бы техники ни пытались их развеять, все равно в подобные минуты даже они переходили на тихий шепот.

– Бьем торпедами и артиллерией. Носовым быть в полной готовности, – шепнул Роджер артиллеристу. Тот кивнул в знак понимания и тут же убежал к телефону отдавать распоряжения.

К этому моменту «Быстрый» уже вплотную приблизился к парящему острову и шел вдоль него. Двигатели работали на малом ходу, поскольку, в отличие от шепота, шум от них был слышен на достаточном расстоянии. Оставалось надеяться, что до какого-то времени скала будет скрывать корабль, а уж там...

Очередной поворот должен был вывести прямо к пещере, но, к удивлению большей части команды, они увидели лишь кусок сплошного камня. Роджер недовольно поморщился и командовал:

– Это маскировочная сеть! Огонь по максимуму!

Залп носовых орудий подтвердил слова капитана. Снаряды с легкостью пронзили фальшивую преграду, моментально поразив спрятавшийся за ней корабль. С торпедами вышло хуже. Первые две умудрились застрять в сети, потащили ее за собой и сбились с курса, но тем самым они открыли путь для третьей и четвертой.

Открывшееся взору команды зрелище больше напоминало филиал ада в небесах. Пещера была заполнена огнем и дымом, «Молния» пылала от носа до кормы, а все новые и новые снаряды, пронзавшие ее корпус, лишь усугубляли картину разрушения. В считанные секунды красавец корабль просто перестал существовать, превратившись в груды дымящегося металла, лишенного даже намека на летучесть.

– Вперед! – прозвучала новая команда капитана. – Достанем второй с тыла.

По расчетам Роджера, чтобы пролететь пещеру насквозь, требовалось две минуты. Но сейчас экипаж превзошел сам себя, и уже через сорок секунд они оказались у противоположного выхода. Все это время прошло в мучительных ожиданиях. Что их ждет на том конце? Догадаться ли на втором корабле, что случилось с их товарищем? Нет ли у них иной системы связи, с помощью которой экипаж гибнущего судна мог послать предупреждение? Да и вообще, что они предпримут, заслышав звуки стрельбы?

И лишь дойдя до конца, Дрейк понял, что они успели. Вторая «Молния», видимо, встревоженная шумом, пыталась вылететь наружу, когда прямо в ее корму врезались последние две торпеды. И в очередной раз, подтверждая хрупкость своей конструкции, корабль мгновенно взорвался изнутри. Похоже, торпеды вызвали детонацию боеприпасов главного калибра, тем самым оставив свою артиллерию без работы.

Роджер флегматично проводил взглядом пылающие обломки, падающие вниз, навстречу тягучим океаническим волнам, удовлетворенно изучил горящие от восторга лица своих офицеров и скукаяюще произнес:

– Тринадцать. Осталось тридцать семь.

Бурный вопль пронесся по мостику. Вопль восторга и восхищения своим командиром, действия которого в очередной раз привели к победе. Правда, толком насладиться триумфом Роджеру так и не дали. Сзади словно по волшебству возник посыльный, который, откозыряв, резко выпалил:

– Телеграмма из штаба! Велено срочно возвращаться!

– Вот как! – Глаза Дрейка вновь хищно сверкнули. – Неужели моя ссылка заканчивается? Сворачиваемся, господа. Мы летим домой.

Глава 3

На палубу «Старого Фридриха» Витгефт поднялся слегка дрожащей, но в целом уверенной походкой. Возможно, будь у него лишний час-другой, чтобы окончательно прийти в себя, вряд ли бы кто из посторонних догадался, что майор страдает жестокой формой похмелья. Но увы, пять минут назад он осознал, что авианосец причалил и начал глушить двигатели, что означало непреложную истину – они добрались до места назначения.

Дмитрия сорвало почти сразу после приземления. Он еще какое-то время держался, пока тело Шульца извлекали с его места. Но когда через пять минут приземлилась машина братьев Бергов, он не выдержал. Ганбот был раскурочен в хлам, а когда оттуда извлекли тела экипажа, то даже техники отскочили назад.

Оба брата были мертвы. Старший, сидевший за штурвалом, видимо, до последнего пытался дотянуть до палубы, и у него это получилось. Но на большее его не хватило. Лицо младшего, сидевшего за пулеметом, было невозможно распознать. Разорвавшийся рядом снаряд превратил его в кровавое месиво. Учítывая, что большая часть экипажа до этого не бывала в бою, не стоило удивляться тому, что некоторых техников тут же затошнило, а кто-то убежал в слезах.

И лишь после того, как ему сообщили, что больше никого не осталось, он мрачно поднялся с палубы и направился в свою каюту. На полпути его перехватил кто-то из старших офицеров, которому он автоматически отчитался о проделанной работе. Больше видеть никого не хотелось, и, придя к себе, майор достал из походного чемодана запрятанную литровую бутылку саке – память о стоянке в Новом Токио.

Алкогольная нирвана было единственным способом заглушить звенящие в голове голоса. Голоса старых друзей и напарников, которых он потерял за последние пять лет. Голоса тех, кто словил пулю или осколок вместо него. И очень скоро весь мир перестал для него существовать.

Несмотря на то что это противоречило всем нормам и уставам, Дмитрию ничего не грозило. Капитан авианосца был понимающим мужиком, да нет и смысла дергать пилота лишний раз, когда судно растеряло всю боевую мощь. Два уцелевших ганбота годились только для того, чтобы быть выкинутыми в металлолом. Майор слышал за спиной голоса техников, что он сам фактически чудом долетел до взлетной палубы.

Но подбитые машины, в отличие от убитых друзей, не являлись ему во снах. Хотя верную «Акулу», на которой он летал последние полгода, было тоже жаль, но данную потерю он мог перенести без душевных терзаний и скатывания в беспробудный алкоголизм...

Звук швартовки привел его в чувство. К этому времени саке уже кончилось, и майор, находящийся в полудреме, отправился на палубу. Короткого взгляда на часы хватило, чтобы понять некую странность. По его расчетам, они должны были лететь еще сутки. Незапланированных остановок на пути следования вроде не ожидалось.

Одного взгляда на многочисленные шпильки, расположенные вокруг порта, хватило для того, чтобы понять простую истину. Маршрут все-таки изменили. За два дня, пока майор был отключен от реального мира, «Старый Фридрих» сменил курс и вместо Треугольника прибыл в самое сердце Игельсбурга. В город, фактически ставший армейской столицей текущей войны.

– Что мы здесь забыли? – пробормотал под нос Витгефт и тут же вздрогнул от вкрадчивого шепота за спиной:

– Новые распоряжения. Поскольку старина «Фридрих» лишился всей своей ударной авиагруппы, а единственный уцелевший ее член ушел в запой, командование переслало распоряжение, из которого следовало, что авианосец нуждается в пополнении. Ну и ремонте. – Майор изо всех сил старался не показывать свои истинные эмоции на лице, что было не так просто. Он не любил особистов, а Йоганн Шмидт отвечал ему аналогичной любезностью.

– Ремонт? – чтобы хоть как-то изменить тему, переспросил он.

– Да, ремонт. Пара шальных снарядов до нас все-таки долетела. Пробита одна из цистерн с горючим, а контуры одной из силовых установок посеколо осколками. К счастью, обошлось без жертв. – На последних словах майора все же передернуло. Он знал, что жертвы были, но Йоганн, словно досаждая ему, старательно о них умалчивал, делая вид, что ничего не произошло.

– Про «Кристофа» ничего не слышно? – снова переспросил он, вспоминая про второй авианосец. – У них тоже были потери или повреждения?

– Про повреждения не знаю, но коли он смог продолжить свой путь, то, значит, все обошлось. А что касается потерь... – Особист сделал длинную паузу. – Наблюдатели доложили о том, что лишь три машины смогли приземлиться.

«Четыре из тридцати», – пробормотал про себя майор. Не самый лучший результат в данном случае, хотя стоило удивиться тому, что хоть кто-то выжил. И что большую часть из выживших составили не опытные пилоты, а новички, принявшие свой первый бой. Конечно, их задача состояла в том, чтобы бороться с машинами прикрытия, где, в свою очередь, сидели не первые асы. Но даже для них подобная задача оказалась смертельно опасной.

– В мой адрес никаких распоряжений не поступало? – наконец задал он самый важный вопрос. Вспоминая обстоятельства, сопровождавшие его последнее появление в Игельсбурге, следовало ожидать самого худшего. И учитывая коварную улыбку на лице Шмидта, это самое худшее уже плотно дышало в спину.

– Конечно, были, – обрадованно произнес он. – Посыльный просил передать, что к одиннадцати часам вы, господин майор, должны быть в приемной у адмирала Сакамото. И хотя сейчас всего десять двадцать пять, думаю, если вы не поспешите, то можете и опоздать. И я бы на вашем месте поторопился: насколько мне известно, адмирал не любит ждать.

«Скотина», – вяло подумал Витгефт, резко разворачиваясь и практически бегом направляясь в свою каюту. – Специально решил меня подставить, отправить на встречу к высшему руководству с разящим запахом перегара, небритым и даже одетым не по форме».

Тем не менее страха или ужаса в мыслях даже не наблюдалось. После битвы за конвой ругань Сурового Усача, как любили называть адмирала, не казалась чем-то таким уж запрещительно пугающим. Тем более Сакамото относился с уважением к боевым офицерам и чаще всего прощал некоторые отхождения от уставов.

Дальнейшие его действия были проделаны на полном автомате. За пару минут извлечь из дальнего угла чемодана парадную форму, наскоро пригладить ее руками, что не особо избавило от мятости, и словно по тревоге переодеться меньше чем за минуту. Парой движений походного гребешка пригладить стоящие дыбом волосы. И поморщившись, глядя на свою щетину в зеркале, заглотить пару мятных леденцов.

Самое главное теперь состояло в том, чтобы добраться до штаба меньше чем за двадцать минут. Оставалось надеяться, что где-нибудь в районе доков ему удастся наткнуться на ялриксу, согласного пойти на ряд нарушений и срезать дорогу напрямик, но, к счастью, подобных суровых мер не понадобилось. Прямо у трапа его встретил посыльный, одним своим внешним видом заставивший майора испытать чувство собственной неполноценности. Не очень-то приятно общаться с человеком, который мало того что выглядит так, словно за его формой следит дюжина денщиков, но еще и выше тебя на две головы.

Что его удивило, так это то, что за ним прислали не рядового курьера, а целого лейтенанта, явно одного из штабных блюдолизгов. Полный уверенности в том, что оказывает пилоту важную услугу (которая для него такой и была), заключавшуюся в предоставлении транспорта, он тут же, несмотря на разницу в званиях, начал читать нотацию о неподобающем виде и поведении. Витгефт не возражал, отлично понимая, что сам виноват, хотя и скотина Шмидт приложил к этому руку. Не стоило так надолго покидать реальный мир, лишаясь тем самым возмож-

ности быть в курсе всех нужных событий. Да и будь он более-менее трезв, сумел бы подобрать нужные слова, чтобы ответить этому зарвавшемуся щеголю.

Речь продолжилась и в машине, но к этому моменту майор сумел оградить свой разум от потока слов. Вяло поглядывая за тем, как шлюп начал набирать высоту, он полностью сосредоточился на местной архитектуре, заодно пытаясь понять, зачем же он потребовался.

Шесть месяцев назад его чуть было с позором не выгнали из воздушного флота. По крайней мере, он так думал, ведь чего еще ждать от ситуации, когда тебе приходится арестовывать своего собственного начальника и брать руководство битвой на себя. Но что еще можно было сделать, если у тебя на глазах избивают корабли с конвоем, а трусливый генерал, опасаясь вражеского налета, требует сосредоточить все ганботы в районе базы.

Проще всего было его пристрелить и свалить все на конфедератов, но слишком много было свидетелей, и поэтому после спасения каравана и отбития пяти налетов Витгефт приказал освободить генерала. Лишь угроза бунта не дала тому возможности тут же расстрелять его перед строем, но дело очень скоро дошло до суда.

Нарушение устава – серьезное преступление, но и сам генерал был изрядно запачкан. И несмотря на все его связи, ему не удалось законопатить майора на каторгу, как он настаивал. Нашлось достаточно свидетелей, да и ряд адмиралов высказались в поддержку, поэтому дело закончилось, что называется, почетной ссылкой. И бывший «Небесный корсар» стал обычным охранником конвоев. Ряд подчиненных высказали пожелание последовать за ним, и пришлось приложить немало усилий, чтобы могучая бюрократическая машина позволила им остаться со своим командиром.

И вот загадочный вызов. Что он мог означать? Вскрылись какие-то новые факты, и ему грозит новый суд? Или адмирал Сакамото, выступавший его защитником, сумел снять все обвинения и теперь Витгефта ждет перевод в действующую часть или на эскадренный авианосец? Оставалось только гадать.

До штаба они добрались за пять минут до назначенного времени. Майор вместе с адмиральским адъютантом ускоренным шагом последовали к приемной. Краем глаза он отмечал недовольные взоры некоторых вышестоящих чинов, но, к счастью, никто и не подумал придраться к его «ненадлежащему виду».

Зато в приемной их ждал сюрприз. Буквально полчаса назад адмирал срочно уехал на завод, и когда его следует ждать, уже никто не знал. Правда, про самого Витгефта, как оказалось, он не забыл. У секретаря нашелся толстый конверт, предназначавшийся майору, и пилот с удивлением сел изучать его содержимое. Среди множества непонятных бумаг он сумел отыскать документ о назначении в загадочную «Группу дальних операций». Что это означало, он не понимал, но в целом даже обрадовался.

В самом низу отыскался приказ о постановлении на денежное довольствие и выдаче комнаты в офицерском общежитии. По идее, следовало дожидаться прибытия адмирала, но Дмитрий еще не до конца пришел в себя. Требовалось привести себя в порядок и наконец избавиться от шума в голове. Ну и оставалось надеяться, что новое задание позволит ему забыть все терзающие душу крики и пугающие сны.

Глава 4

Косые взгляды штабных крыс привели Роджера просто в великолепное расположение духа. За годы службы он придумал немало приемов, заставлявших тыловикив бессильно скрежетать зубами от злости. Конечно, следовало учитывать многое и не перегибать палку, но он просто не мог удержаться от возможности устроить очередное шоу.

Короткая борода, которыми так любили гордиться капитаны рейдеров, вызывала жуткий диссонанс в сравнении с выбритыми до синевы лицами. Добавить к этому походную форму с фуражкой кепи, чтобы окончательно выделиться среди толпы разряженных в парадные мундиры. Время от времени к нему навстречу выбегал кто-то из старших чинов, чтобы сделать выговор, но, наткнувшись взглядом на грудь, тут же спешил скрыться в толпе.

Единственный орден, который он позволил себе нацепить, отправляясь в это логово, был «Бриллиантовое Созвездие». Знак того, что данный человек побывал в заднице у самого дьявола и сумел выбраться оттуда без особых потерь. Во всем альянсе набралось бы не больше десяти человек, награжденных этим орденом. По идее, Роджер мог одеться так, как ему хочется, но зная, что ему предстоит встреча с Сакамото, решил не переходить границ. Благо адмирал входил в число тех штабистов, которых он искренне уважал.

Про этого выходца из Нового Токио ходило немало легенд. Он считался одним из самых эффективных, талантливых и безжалостных адмиралов. Его боялись как свои, так и чужие, но надо заметить, что наказывал он всегда по делу. Его перевод в штаб произвел в свое время небывалый фурор. Всех интересовало, как скоро Суровый Усач продемонстрирует свой незабываемый стиль управления, и случай не заставил себя долго ждать.

Очередной из адмиралов, уверенный в могуществе своего звания и связей, отказался выполнять приказ Сакамото о доставке провианта в осажденный Каменоград. Доведя конвой до кольца осады, он тут же повернул назад, рапортуя о том, что прорваться сквозь орду конфедератов в данных условиях невозможно и, дабы сохранить флот в целости, он вынужден вернуться.

То, что случилось дальше, надолго запомнилось всем штабным и тем, кто случайно оказался в тот день поблизости. Суровый Усач немедленно вызвал конвой, и прежде чем адмирал успел что-то возразить, повелел устроить ему прилюдную порку на плацу. Все произошло настолько быстро, что никто даже не успел возразить. Старый адмирал был выпорот на глазах сотен высших чинов, большинство из которых были его непосредственными подчиненными, и был вынужден на следующий день подать в отставку. Зато подобного прецедента хватило, чтобы никто больше не смел даже помыслить о нарушении или невыполнении приказа.

Встреча с подобной легендарной личностью вызывала легкий мандраж, подобный тем, которые Роджер испытывал во время проведения очередной атаки. Встреча с адмиралом сулила немало острых моментов, которые можно было сравнить с битвой, но капитан не привык отступать. Дождавшись разрешения от секретаря, он смело толкнул тяжелую дверь.

В первую очередь он отметил, что за время, проведенное в штабе, Харада Сакамото так и не утратил своей склонности к аскетизму. В кабинете не было ничего лишнего. Стол, просто трещавший от бумаг, несколько стульев, пара шкафов, и все... Разве что старинная гравюра с изображением пары кораблей и, по слухам, привезенная еще «основателями», висела на стене возле окна.

Самого адмирала он с трудом заметил. Отличаясь небольшим ростом, он, что называется, с головой погрузился в бумажные завалы, практически не выдавая своего присутствия. Лишь шум закрывающейся двери заставил его выглянуть из этой импровизированной крепости.

– А, Роджер, мальчик мой, проходи и садись. – С подобной отеческой манерой разговора он сталкивался еще в те времена, когда проходил службу непосредственно под началом Усача.

Именно тогда Дрейк и понял, что под милой вежливостью и добротой скрывается один из самых жестоких людей нынешнего времени. – Я как раз изучал твои отчеты. Интересные, на мой взгляд, вещи ты там пишешь.

– Надеюсь, в них не нашлось ничего, за что меня можно отправить еще на пару лет в самую задницу мира? – То, что адмирал любит наглых собеседников, он понял еще в те же времена. На его памяти отец не раз чуть не доходил до рукоприкладства, а ругались они так, что было слышно даже на соседних кораблях. И это при том, что считались чуть ли не лучшими друзьями.

– Поверь мне, мальчик мой, если бы было, ты бы сейчас здесь не сидел, а патрулировал ту самую задницу. – Сакамото ехидно засмеялся и наконец встал из-за стола. В первую очередь в глаза бросались его знаменитые усы. Длинные, опускавшиеся чуть ли не до подбородка, они словно стремились компенсировать полное отсутствие волосатости на голове. В сочетании с парой пронзительных глаз, со стороны адмирал сильно напоминал лихих пиратов прошлых веков. В данный момент эти глаза, словно два прицела, внимательно изучали лицо Роджера.

– Я не против. – Капитан постарался придать своему голосу максимум безразличия. – В любом случае там будет куда веселее, чем здесь. Да и дело, что называется, привычное. – Адмирал наконец не выдержал и откровенно засмеялся, но тут же замолк.

– Ладно, что парень ты храбрый, я уже успел узнать, – он кивнул в сторону кипы бумаг. – А еще я узнал, что тебя считают невероятным счастливымчиком, а то и чародеем. В магию я, конечно, не верю, но, к примеру, мне самому интересно, каким образом ты сбил пять скоростных вооруженных транспортов, уступая им в скорости чуть ли не в два раза.

– Конвой идет со скоростью самого медленного, – ухмыльнулся Роджер, вспоминая ту операцию. – Достаточно было сбить ход одному и сбежать, чтобы устроить на пути следования ряд засад. Последний успел что-то сообразить, поскольку бросил своего товарища. Правда, так уж вышло, что я на всякий случай расставил несколько мин как раз по этому маршруту, но будем считать, что у меня интуиция сработала.

– Это тоже важный фактор! – глубокомысленно отметил адмирал, присаживаясь обратно. – Можно сказать, я не зря выбрал тебя, поскольку ты именно тот офицер, который нужен в предстоящем деле.

– Что за дело? – насторожился Роджер, чую запах серьезного мероприятия.

– Для начала поинтересуюсь, знаешь ли ты, каково реальное положение на фронтах?

– Херовое, – откровенно ответил капитан. – Конфедераты имеют нас во всех позах, а мы лишь вынуждены похрюкивать от удовольствия.

– Очень емкий и краткий отчет, – удовлетворенно кивнул адмирал. – Куда лучше, чем те обтекаемые сводки, которые я получаю от своих подчиненных. Да, если честно, мы проигрываем войну. Семь лет назад, высаживая десант на очередную скалу, выброшенную мистерием, никто даже подумать не мог, что все придет к этому. Потерять Птичьи острова, Землю Рысьева и Восточную Марку. Такими темпами мы скоро потеряем Треугольник, а с него открывается прямая дорога в сердце Альянса. И что же является тому причиной?

«Тупоумное командование, – мысленно проворчал Роджер, – только и способное бахвалиться, сидя на надежных базах, а заведя одинокий дредноут конфедерации, тут же зарываться глубоко в землю, истерично вопя о помощи». – Озвучивать эти мысли он, конечно, не спешил.

– Территориально мы им не уступаем, – осторожно начал капитан. – Но вот технически...

– Технически... – устало произнес Сакамото, поднося к лицу очередную бумагу. – Можешь сравнить цифры. Уже пересчет тяжелых кораблей наводит тоску. На сегодняшний день на вооружении Альянса состоит одиннадцать линкоров пятого и шестого классов, восемнадцать относительно боеспособных дредноутов, столько же тяжелых крейсеров и девять тяже-

лых авианосцев. Это, конечно, если не считать прочей ерунды, место которой либо на свалке, либо в музее, но способной еще принести немало пользы в оборонительных операциях.

– А у конфедератов?

– Двадцать линкоров, – Сакамото ударил кулаком по столу. – Из них три – седьмого класса.

– Знаменитый «Триумвират», – пробормотал Роджер, вспоминая ту шумиху в прессе, когда были обнародованы данные об усилении флота вероятного противника.

– Он самый. Главную мысль ты понял, по остальным классам кораблей они превосходят нас вдвое, а местами и втрое. Знаменитые «Молнии»... У нас даже нет аналогичного корабля, а у них подобного класса почти три сотни. Они их строят быстрее, чем мы сбиваем!

– Тем не менее они пока не спешат обрушить всю эту мощь на наши земли.

– Это до поры до времени. Нас выручают лишь сильные оборонительные сооружения да флот ганботов, единственное, в чем мы имеем неоспоримое преимущество. Спасибо довоенной моде, когда каждый второй мечтал стать пилотом. Благодаря этому у нас сейчас почти пятнадцать тысяч машин, втрое больше, чем у конфедератов, причем в среднем наши пилоты превосходят их. Но когда за нас возьмутся всерьез, это не поможет. Повторится история с Землей Рысьева, когда они создадут плотное кольцо из всего имеющего возможность стрелять и планомерно перемешают с грунтом всех наших солдат.

– Значит, нужно постараться преуменьшить число их кораблей. Основательно преуменьшить.

– Операция «Млечный Путь», слышал о ней?

Роджер осторожно кивнул.

Одна из самых больших неудач объединенного флота. Попытка спровоцировать конфедерацию использовать большую часть своего флота, дабы не допустить захвата Луневского архипелага. Почти полгода подготовки, закончившейся впустую. Противник догадался о ловушке и предпринял меры, решив переиграть все по-своему. Альянс спасло лишь то, что вице-адмирал Орлов, командовавший флотом, отличался изрядной осторожностью. Видя, что силы конфедератов ведут себя как-то странно, он предпочел не действовать на свой страх и риск. В итоге те, решив, что их раскрыли, предпочли сами перейти в наступление, что вылилось в двухсуточное сражение.

И самое веселое, что по итогам боев не было сбито ни одного корабля. Доки обеих сторон ломились от числа поврежденных судов, но до полноценного уничтожения хоть одного самого захудалого эсминца так и не дошло. Поэтому в целом само сражение можно было считать закончившимся вничью. Зато по результатам кампании альянс остался в проигрыше, потеряв архипелаг и возможность в течение длительного времени проводить операции подобного масштаба.

– Я заработал язву и геморрой, продумывая и создавая весь план по дезинформации, – прорычал Сакамото, нанося очередной удар по ни в чем не повинному столу. – А эти альтернативно одаренные гении спустили его в унитаз. Вот скажи, как они могли попасться на нашу удочку, если имитацию вторжения пытались организовать силами всего трех легких крейсеров?! Естественно, что они заподозрили неладное, провели разведку и обнаружили замаскированные орудия и минные поля.

– Это печально, – согласился с эмоциями командира Роджер. – Хотя, насколько мне помнится, виновные в провале понесли достаточно тяжелое наказание.

– Я был бы доволен, если бы всю эту свору отправили на шахты... Но вернемся к делу, – адмирал внезапно успокоился и взял себя в руки. – Быть может, мы и наделали много глупостей, но по крайней мере научились мыслить. Поскольку обычные способы ведения войны нам отныне недоступны, пришлось напрячь мозги и выбрать несколько альтернативных вариантов. – На этой фразе Роджер напрягся. До него доходили слухи, что Сакамото в свое время

пытался протолкнуть крайне пугающие методы. Вроде создания отрядов смертников в массовых количествах.

– И на каком же варианте вы остановились?

Вместо ответа адмирал протянул сложенный вчетверо листок бумаги, и Дрейк, страдая от любопытства, поспешил его развернуть.

То что ему протянули, оказалось планом корабля незнакомой модели. Судя по формам, перед ним был легкий крейсер, но кое-что показалось ему странным. Так, на схеме отсутствовала пехотная палуба, замененная отсеком, тянувшимся чуть ли не через полкорабля. Форма оказалась слегка вытянутой и зауженной, до боли напоминая злополучные «Молнии». Правда, в отличие от последних, башенная артиллерия в наличии имела.

– Нравится? – переспросил адмирал.

– Пока не знаю. А что это?

– Это наш ответ «Молниям», причем довольно специфичный. Изначально мы пытались повторить этот проект конфедератов, но, изучив статистику, пришли к мнению, что для нас он не подходит. Слишком велики потери по отношению к результату.

– Но конвоям от них достается неплохо, – поспешил возразить Роджер, имеющий собственное мнение по данному вопросу.

– Для борьбы с конвоями у нас своих рейдеров хватает, – проворчал Сакамото. – А тут еще придется большую часть верфей перепрофилировать для выпуска этих одноразовых лоханок. Вместо этого мы, воспользовавшись предложением союзников, запустили в производство проект «Панцербрехен».

– И в чем его уникальность?

– Легкий крейсер с неплохой скоростью и довольно солидной для его класса артиллерией. Тем же «Молниям» придется изрядно постараться, чтобы догнать его. Кроме того, есть немало занятных нюансов. Во-первых, скрытность, на корабле стоит последняя по своему времени система маскировки. Его не смогут засечь ни по выхлопу мистерия, ни по шуму работы двигателя. И даже новомодные магнитные сканеры смогут обнаружить его разве что в упор.

– Полезная штука, – согласился Роджер, которому приходилось просто выворачиваться вон из кожи, чтобы подобраться скрытно к противнику.

– Корпус сделан так, что его легко маскировать при помощи сетей. Я в курсе твоих пиратских замашек, поэтому могу сказать, что для тебя оно будет в самый раз. Но я не закончил. Артиллерия и торпеды в нашем случае являются не самым главным его оружием. Его главная сила сосредоточена здесь! – Палец Сакамото указал на тот самый загадочный отсек. – Эта малютка способна нести пятнадцать тяжелых штурмовиков класса «Десмод». Хотя боюсь, в нашем случае тебе придется ограничиться десятью.

– Авианесущий крейсер, – недоверчиво хмыкнул Роджер. – Помнится, в свое время запускали подобный проект, но пришли к мнению, что он не очень-то рентабельный. Слишком низкая эффективность против боевых кораблей. Впрочем, задумка интересная, конвоям конфедератов она явно не понравится.

– Кто здесь говорит о конвоях? – В голосе адмирала послышалось столь неприкрытое возмущение, что Дрейк удивленно поднял бровь. – Я уже сказал, что для конвоев хватит и других умельцев. Лично я считаю, что данный проект предназначен для того, чтобы отправлять в пучину все встречные суда массой свыше пятидесяти тысяч тонн. Желательно обладателей тяжелой брони и артиллерии.

– Выглядит безумием. – Роджер наконец осознал всю глубину адмиральского замысла. – Но я так понимаю, большая часть нюансов уже продумана? – Он по-новому взглянул на проект. Действительно, кроме него вряд ли кто отважится на подобную операцию. Иной офицер скорее начал бы возмущаться, считая, что его посылают на верную смерть, или, напротив, стоически пережил бы подобное известие. Роджер же ощутил... азарт. В голове сами собой закрутились

схемы, которые он продумывал в свое время на досуге. Новый корабль давал ему те самые новые возможности.

– Продумано многое. В первую очередь данный экземпляр мы укомплектовали мощным шифровальным отделом. В совокупности с системой радиоперехвата это позволит прослушивать переговоры конфедератов. Учитывая, что тебе придется действовать глубоко в тылу, это очень пригодится.

– В таком случае у меня условие. – Глаза Сакамото полезли на лоб от удивления, и Роджер поспешил опередить его возмущение: – Я хочу сам лично принять участие в планировании операции. Я хорошо знаю территорию конфедерации, включая ряд мест, о которых никто, кроме меня, даже не подозревает. Для долговременной операции это может стать решающим фактором.

– Я помню, что ты был контрабандистом, – тут же успокоился адмирал. – Почему мой выбор и пал на тебя. Хорошо, но учти, у нас мало времени. Как докладывает разведка, месяца через два планируется полномасштабное наступление на Треугольник. До поры до времени мы можем ставить им палки в колеса, но чую, скоро нам придется очень тяжело.

– Поскольку «Быстрый» все равно будет поставлен на ремонт, – как бы невзначай начал Роджер, – думаю, неплохо перевести с него всю мою команду.

– Забирай. Сам корабль уже прошел ходовые испытания, поэтому у тебя будет полтора месяца на то, чтобы освоить его в полной мере.

– А ударная команда? Она уже сформирована?

– В процессе, – адмирал внезапно улыбнулся. – Кстати, советую тебе поговорить с их командиром, он должен уже прибыть. Отчаянный человек. Представляешь, два дня назад, защищая конвой, всего с десятью «Акулами» бросился в атаку на шестерку дредноутов!

– Еще один безумец нам не помешает, – согласился с ним Роджер. – Иной на такое дело не согласится. Кстати, чем закончилась его атака?

– Потерял почти все машины, но два дредноута сумел вывести из строя. Это о чем-то говорит? Можешь полистать его личное дело, летает уже пять лет, побывал на всех фронтах и при этом ни царапинки. Я готов поверить в магию, темные силы и прочее, но в нашем случае это даже на руку. Найди с ним общий язык и начинай подготовку.

– Я вас не подведу, господин адмирал, – вежливо ответил Дрейк, понимая, что тому, кто все-таки осмелится подвести Сакамото, последний собственноручно подарит старинный клинок для совершения сеппуку. – И кстати, как называется мой корабль?

– Для такого дела нам пришлось перебрать многие старинные легенды, берущие свое начало еще до времен Исхода. Наиболее оптимальным вариантом для данного корабля нам показалось «Денис Давыдов».

– Название очень даже в тему, – довольным тоном произнес Роджер. – Особенно для тех, кто знает, какой смысл оно несет.

На этом аудиенция была закончена, но дело только начиналось.

Глава 5

Жалобный взгляд коменданта общежития сразу навел Витгефта на нехорошие мысли, и, как оказалось, не зря. Свободные места в его епархии отсутствовали как класс, поэтому перед лицом майора забрезжила перспектива снять номер в гостинице. Зная, насколько это дорогое удовольствие, Дмитрий даже задумался о том, чтобы идти ночевать в ближайший парк, благо погода стояла пока хорошая, или, напротив, возвращаться на «Фридриха», если только его еще не загнали на ремонт.

– Формируется экипаж сразу трех крейсеров, – извинясь пробормотал комендант. – И хотя для вашей группы выделили целый этаж, пришлось потесниться.

– А кто-нибудь из наших уже прибыл? – Витгефта моментально заинтересовала фраза «вашей группы».

– Да, один офицер... ммм... капитан прибыл два дня назад. Я так понимаю, вы хотите, чтобы я поселил вас с ним?

– Вы поняли мою мысль.

Комендант, обрадованный тем, как быстро решилась его проблема, тут же выписал все документы и выдал ключи. Майор, еще больше погрузившись в раздумья, немедленно направился в свою комнату. Ситуация становилась все интересней и интересней. Первоначально он думал, что речь пойдет о его реабилитации, но, как оказалось, все куда сложнее. Дело пахло новым заданием.

Перед тем как постучаться в довольно тонкую дверь, он прислушался. Звук гитарного перебора, доносившийся изнутри, говорил о том, что его новый сосед по комнате явно занимается музицированием. Ухмыльнувшись, он постучал в дверь и, услышав бодрое «войдите», открыл ее.

Первой мыслью было удивление. Китель, небрежно наброшенный на спинку стула, своими петлицами говорил о том, что обитатель этого помещения относится к славным рядам летных войск. Но вот рост и ширина плеч явно не позволяли идентифицировать его как летчика. По крайней мере, майор первый раз видел таких здоровяков, способных водить ганбот. И дело вовсе не в весе, как утверждали злые языки. Двадцать-тридцать килограммов для «Акулы» или «Ласточки» значили не так много. Вот только двигаться свободно внутри них подобный человек вряд ли сможет.

– Игорь Кошкин, – бодро представился здоровяк, резво спрыгивая с кровати, не отпуская гитары. – «Пятая ударная».

– Дмитрий Витгефт, – вежливо ответил майор. – Охрана конвоев. Некоторое время буду жить здесь, тем более, я так понимаю, мы из одной группы?

– Похоже на то, – бодро ответил капитан, искренне радуясь появлению соседа. – Правда, я до сих пор не знаю, зачем меня вызвали. Может, вы в курсе, господин майор?

– Пока мы не на службе, можете звать меня Дмитрий. И, к сожалению, я сам не в курсе. Мне была назначена встреча у Сакамото, но адмирал уехал.

– Обидно, ну ничего, подождем. Нам не впервой ждать. Так что проходи и садись. – Игорь весьма быстро перешел на «ты». – В ногах правды нет. Кстати, не в курсе, что именно заставило людей искать правду в этих конечностях, коли зародилось такое выражение?

– Прошу прощения, но не имею понятия. – Витгефт сел на вторую кровать и, поставив свой чемоданчик на стул, приступил было к его разбору, когда в его голову пришла внезапная мысль. Точнее, это было обрывком воспоминания одного недавнего разговора. Сочетание имени капитана и принадлежности к «Пятой ударной» заставило вспомнить кое-какие подробности. – А случаем, это не ты тот самый легендарный Небесный Неудачник из «Пятой»? Ну

тот, кого сбивали восемь раз? – Судя по протяжному вздоху Игоря, данный вопрос он слышал явно не первый раз.

– Можно сказать, что я он и есть. Правда, сбивали меня не восемь раз.

– Прошу прощения. – Витгефт мысленно поморщился: его привычка извиняться за все после бурной попойки была ему самому поперек горла. – Просто мне так сказали и...

– Двенадцать раз, – перебил его Игорь. – У тебя устаревшие сведения.

После подобного заявления майор взглянул на своего соседа совсем иным взором. Ему встречались пилоты, которых подбивали два или три раза, и каждый из них с содроганием вспоминал об этом моменте. Также он знал, что немало летчиков погибло, пытаясь довести искоженную машину хоть до какого-нибудь клочка земли. Травма, смерть, ничто их не пугало так сильно, как возможность на всю оставшуюся жизнь беспомощно зависнуть между небом и землей.

Нет сомнений, что спасательный пояс, способный поддерживать тело летчика в воздухе, штука хорошая. Но не в те минуты, когда вокруг пустота, облака и потоки мистерия, способные подхватить человека как пушинку и унести... туда, где оно продолжит болтаться еще парутройку столетий. В академии им показывали фотографии пилотов, чьи тела были найдены в верхних слоях атмосферы. Показ закончился флегматичной фразой наставника о том, что табельное оружие выдается не затем, чтобы отстреливаться от гипотетических врагов, а дабы пустить себе пулю в висок, оказавшись в аналогичной ситуации.

Ходила даже легенда, что пилоты, пережившие хотя бы пару раз подобную ситуацию, никогда больше не садились за штурвал ганбота. Но его собеседник, похоже, являлся исключением из правил. И даже если допустить, что его сбивали только над сушей, то...

– Мне еще говорили, – Витгефт вспомнил оставшуюся часть того диалога, – что ты умудрился сесть на вражеский авианосец и угнать оттуда ганбот вместе с подвернувшимся под руку адмиралом.

– А вот это брехня, – уверенно отозвался Игорь. – Не адмирала, а всего лишь полковника разведки. И даже не его самого, а всего лишь сумку с документами.

– Рассказывай! – Подобные истории майор просто обожал. Причем не в плане захватывающего сюжета. Просто знания о том, как тот или иной человек смог выжить в тяжелой ситуации, не раз впоследствии выручали его самого.

– Без проблем. – Его собеседник даже обрадовался возможности поговорить. – Итак, третья неделя борьбы за Воронью долину. Мы упорно сбиваем все, что подходит к границе острова, конфедераты упорно подводят новые силы и засыпают нас сталью и свинцом. Все пилоты практически без сна и отдыха, обколотые стимуляторами, чтобы хоть как-то оставаться в сознании.

– Знакомая картина, – Витгефт нашел в себе силы улыбнуться. После подобных историй начинаешь понимать, что служба в конвое была той еще синекурой. Если, конечно, не вспоминать про погибших товарищей...

– Ага! Меня как раз подбили седьмой раз, причем очень неудачно. Чтобы руки отсохли у конструктора, создавшего «Ласточку». Место пилота и двигатель забронированы, а топливный бак практически висит снаружи. Ну мне его и перебили, да плюс я еще от группы оторвался. И вот, значит, осознаю я, что секунд через двадцать мне придется испытать либо все прелести штопора, либо очередное висение между небом и океаном. До острова дотянуть я никак не успевал, да и не дали бы мне, ну и тут как раз подвернулся конфедератский авианосец.

– И они позволили тебе сесть? – моментально удивился Витгефт.

– Они даже понять ничего не смогли, – отмахнулся капитан. – Благо шасси я выпустил, а, как ты помнишь, в этом положении «Ласточка» очень напоминает «Хаунда».

– С него и лепили, – подтвердил его мысль Дмитрий. – Но опознавательные знаки...

– Три недели боев, – перебил его Игорь. – На повышенных скоростях. Почти вся краска обгорела и вышелушилась. Техники не успели в очередной раз покрасить. Плюс дым из меня валил такой, что в нем можно было линкор спрятать, а не только кресты альянса.

– И значит, ты сел без проблем, – майор мысленно прокрутил перед глазами подобную картину, моделируя ситуацию.

– Именно. Техники у них тоже были запаренные не меньше наших, поэтому смотреть, кто именно прилетел, не стали, сразу бросились тушить. А я быстро выпрыгнул и стою в недоумении, жду, когда же придет конвой, чтобы меня отправить на корабельную гауптвахту. Стоял так минуты две, пока не понял, что дела до меня никакого и нет, других проблем хватает. Благо еще три машины приземлились, по сравнению с которыми моя выглядела как только сошедшая с конвейера. Начинаю тогда резво оглядываться и вижу, что стоит рядом симпатичный двухместный «Облачный змей» в курьерской раскраске. А рядышком полноценный такой полковник, прижимающий к сердцу толстый портфель. Я подошел поближе и услышал, что тот материт весь свет и доблестную авиацию альянса за то, что он до сих пор не может дожидаться своего пилота, дабы как можно скорее выполнить ответственное поручение. И что если ему сейчас никого не предоставят, он всех заживо сгнобит, офицеров разжалует в рядовых, а рядовых будет сбрасывать вместо бомб на позиции альянса. Короче, сволочной такой полковник.

– И ты тут же предложил свои услуги?

– Ну да. Выбежал к нему из дыма, кричу, летим, мол, скорей, а то нас сейчас раздолбают. Запрыгиваю в кабину, тот тоже кидает на свое место сумку и заносит было ногу, чтобы залезть, и тут замечает, что форма пилота явно отличается от общепринятой. Ну у меня времени не было с ним бороться и затаскивать внутрь, вижу, что к кобуре тянется, дал ему промеж глаз, а сам педаль до отказа и в небо. Жалею, что тогда не бомбер мне подвернулся, а то мог бы заодно и авианосец в мистерий отправить.

– Своих не напугал? А то улетел на одной машине, вернулся на другой.

– А я на аэродром даже не сунулся. Наши зенитчики ребята нервные, пару раз своих подбивали, что уж говорить о чужой машине. Они от собственных пукалок так оглохли, что даже начни я орать благим матом, что свои тут летают, все равно не услышат. Поэтому я поступил хитрее, в десятке километров от базы деревня была, вот туда меня и понесло. Сел прямо на главной площади. Староста свои штаны, наверное, обгадил от страха, ну или от радости, что есть шанс выслужиться перед родиной и взять в плен врага. Хорошо, что я ранее там часто бывал, поэтому рожу мою знали и бить не стали. Ну а когда узнали, что ганбот трофейный, то даже заполучил свой личный триумф. В общем, порадовал деревенских, пару девочек под шумок приобнял, они тоже рады были подобному, после чего как можно скорее связался с базой, растолковал ситуацию и через пару часов доставил захваченную технику и документы куда надо.

– Небось там от восторга запрыгали.

– Ага, обрадовал их так, что потом неделю икалось. Вначале от командира получил, за утерянную машину. Ему, мол, надоело отписываться через день, почему у него один-единственный пилот меняет ганботы с завидной регулярностью и нет ли здесь какого вредительства. Пообещал мне, что если и захваченную потеряю, то буду летать только на том, что сумею отобрать у конфедератов. А потом еще и от особистов прилетело, за то что того полковника не сумел притащить. Мол, без него эти бумаги и выведенного яйца не стоят и теперь, когда противник в курсе о пропаже, они все свои планы сразу поменяют, так что толку от меня никакого.

– Знакомое дело, – усмехнулся майор, вспоминая подробности своих неприятностей. – Выходит, тебя наказали?

– Да кто меня накажет. – Игорь переложил гитару поудобней и провел рукой по струнам. – Поорали и отпустили. Единственное, что дальше пришлось летать на «Змее» в одиночку, так и не нашлось никого на место стрелка. Так что не стоит удивляться тому, что через неделю я

и эту машину потерял. К тому времени нам завезли новую технику, поэтому вновь вернулся к «Ласточкам». – На какое-то время в комнате повисло молчание. Витгефт обдумывал сказанное, осознавая, что кое-что полезное он все же узнал, а капитан настраивал свой инструмент. Видимо, молчание позволило и ему направить мысли в нужную сторону, поскольку внезапно Игорь поднял голову и спросил: – А ты, случаем, не тот самый майор Витгефт – Истребитель Дредноутов?

– Первый раз слышу, – ошалело пробормотал Дмитрий, пытаясь понять, о чем именно идет речь.

– Просто у меня девушка одна в штабе работает, вот и рассказала байку про одного бравого «небесного корсара», пару дней назад устроившего тотальный геноцид дредноутов. Мол, в два захода сразу две штуки сбил, и если бы остальные в ужасе не разбежались, то...

– Неправда, – облегченно вздохнул майор. – Сбил я всего один, да и тому только руль повредил. А второму врезал мой ведомый, я лишь ему путь расчистил. Да и, если честно, его мы тоже лишь немного подожгли. Через месяц снова в строй вернут.

– Вот так и рождаются мифы, – огорченно пробормотал Игорь. – Хотя сочувствую тебе. Если слухи пойдут дальше, через месяц на тебя повесят истребление половины флота конфедератов.

Ответить Витгефт так и не успел, поскольку именно в этот момент в дверь постучали. Игорь обрадованно крикнул «войдите», и через мгновение в комнату вошел незнакомый ему капитан второго ранга. С его появлением атмосфера в комнате резко изменилась. Такое ощущение, что одно появление незнакомца повысило градус серьезности сразу на несколько единиц.

Больше всего Дмитрия испугали его глаза. Ему встречались взгляды, полные энтузиазма, как у Шульца или Игоря, и, наоборот, погасшие от усталости, какие он часто видел в зеркале, но такого яростного ему еще ни разу не попадалось. На секунду показалось, что перед ним возник один из демонов – покровителей битв и войны.

– Роджер Дрейк, – разрушил завесу безмолвия вновь пришедший. – Пират!

– Дмитрий Витгефт, «небесный корсар», – в тон ему ответил майор, в душе чувствуя некую неловкость за подобное ребячество. Тем не менее кавторангу подобное высказывание понравилось, поскольку он тут же засмеялся крайне жестким смехом и произнес:

– Чувствую, что мы сработаемся. Это хорошо!

– Значит, вы в курсе нашей миссии, – начал было Витгефт, но был тут же прерван:

– Продолжим нашу беседу в ином месте. У входа дежурит шлюп, поэтому предлагаю совершить небольшую прогулку. Поверьте, много времени это не займет, зато интересного увидите немало.

– И я тоже?! – моментально включился Игорь, подсакивая с места.

– Вам, господин капитан, лучше остаться здесь. Отдыхайте, расслабляйтесь, поскольку очень скоро вас будет ждать много работы. Очень много работы.

Подобное заявление ничуть не смутило пилота. Видимо, многочисленные аварии и падения научили его смотреть на жизнь под иным углом. Что же касается Витгефта, то ему не оставалось иного выбора, кроме как последовать за Дрейком. Правда, через мгновение он вспомнил о назначенной ему встрече.

– Прошу прощения, но мне была назначена встреча у адмирала и...

– В таком виде вам лучше у него не появляться, – сурово отрезал капитан. – Сакамото любит наглецов, но даже у его любви есть свои пределы. Кроме того, он уже успел перепоручить вас мне, поэтому ввести в курс дела, думаю, у меня получится куда лучше.

Витгефт сразу успокоился. Мозаика в его голове постепенно приобретала нужные формы. Оставалось узнать детали, чтобы окончательно войти в курс дела. Кроме того, энергия, которой был наполнен Дрейк, частично передалась и ему. Правда, сам капитан, едва они

сели в шлюп, резко замолчал. Отдавая краткие распоряжения водителю, он приказал лететь в сторону доков.

К счастью, полет не занял много времени. Уже через пять минут они приземлились возле проходной, где Дрейку пришлось предъявить пропуск. Суровые лица часовых и ряд зенитных автоматов, направленных в небо, заставили Дмитрия немного понервничать. Что касается господина капитана второго ранга, то его вряд ли что могло смутить, и, кивком головы приказав следовать за ним, он направился внутрь охраняемой зоны.

Витгефт опасался, что им придется прогуляться до верфей, где пропускной режим отличался еще большей суровостью, но у его командира были иные планы. Направившись к парапету, ограждавшему тропу, идущую вдоль кратера местной гавани, он резко остановился и ухмыльнулся.

– Для начала позвольте представить ваше новое место службы, – палец Дрейка ткнул в одинокий корабль, стоящий в доках, окруженный дюжиной кранов. – Впечатляет? Я, если честно, в полном восторге.

Витгефт промолчал, сосредоточившись на изучении новой цели. Подобной схемы он еще не встречал, что говорило о том, что перед ним какая-то новая модель. Расположение оружейных башен позволяло судить об универсальности использования данного судна. Оно могло вести равнозначный огонь как по нижним, так и по верхним целям. Вытянутый, зауженный корпус намекал на возможные скоростные характеристики. Единственное, что смущало его, это широкое отверстие в носовой части, в данный момент полуприкрытое, но дававшее возможность сделать ряд предположений.

– Крейсер авианесущий, – наконец устало произнес майор. – Пехотную палубу заменили ангаром. Странно, я считал, что подобные проекты провалились лет тридцать назад.

– Приятно иметь дело с образованным человеком, – улыбнулся Дрейк. – Но, может, вы тогда и вспомните, что именно послужило причиной провала?

– А чего вспоминать? Дредноуты серии «Вулкан». Предполагалось, что они смогут нести пару-тройку эскадрилий легких бомбардировщиков и штурмовиков. Дабы не жертвовать артиллерией, летную часть разместили внутри корпуса. На деле вышло, что многие пилоты бились, пытаясь залететь в узкую щель. Да и эффективность использования не оправдала ожиданий. Обычные эскортные авианосцы обходились куда дешевле, но приносили больше пользы. В итоге проект закрыли и больше тему не поднимали.

– Рядовым пилотам действительно было тяжело проникать внутрь, но что, если уровень летчиков будет... скажем, выше номинального уровня?

Наконец Витгефт понял, о чем идет речь. Собрать элиту мастеров воздушного боя и запихать их на этот крейсер. Действительно, вспомнить хоть Игоря, который, если не учитывать его зачатого невезения, считался легендарной личностью. Да и себя самого, что греха таить, он расценивал крайне высоко.

– Какие машины будут на борту? – задал он крайне интересующий его вопрос.

– «Десмоды». Слышал про такие?

– Краем уха. Новое поколение тяжелых штурмовиков, и это значит... Ну да, полтора десятка опытных пилотов на судне, которое, как я понимаю, может закинуть их куда угодно. Ганботы явно слишком мощные для обычных транспортов... Это выходит, Сакамото планирует, что мы будем сбивать тяжелые корабли?

– Хорошая работа для истребителя дредноутов! – Во взгляде Дрейка промелькнуло уважение.

– Никогда им не был, – чувствуя очередной прилив усталости и головной боли, пробормотал Витгефт.

– Ничего, будешь, – беззаботно отозвался его командир и, немного помолчав, поинтересовался: – Адмирал считает тебя колдуном. Говорит, что ты всегда знаешь, куда нужно бить, чтобы нанести максимальный ущерб. Поделишься секретом?

– Никакого секрета. Обычный анализ схем кораблей. В академии у нас был наставник, часами заставлявший заучивать чертежи крейсеров и дредноутов, а потом припирали к стенке, дабы мы находили на них слабые места. Правда, получалось мало у кого. Я помню, как он ругался, доказывая, что подобное знание позволит нам отправлять вниз линкоры, даже если из оружия у нас будут только ручные гранаты. Тут он, конечно, преувеличивал, но когда дело дошло до практики, выяснилось, что он не настолько и ошибался...

– Слабые места кораблей... Звучит пугающе. И многие усвоили эту науку так же, как ты?

– Ничего не могу сказать, – Витгефт отрицательно покачал головой. – Я, правда, пытался научить подобному своих ребят, но тут мне просто не хватило времени. Кроме того, многочисленные модификации и улучшения значительно усложняют расчеты...

– Я читал твое личное дело, – внезапно с какой-то серьезностью пробормотал Дрейк. – Тебя считают одним из самых видных экспертов по борьбе с кораблями. Мало кто может похвастаться подобным послужным списком. Тяжелый крейсер, пять эсминцев, три эскортных авианосца и почти полсотни транспортов. И это не считая того, что смогло унести ноги, вроде тех дредноутов. – И, заметив недовольную мину на лице майора, тут же вскинул руки в извиняющемся жесте: – Я в курсе, что ты подбил только один и тот не до конца, но слухи этим не перебивешь. И пусть я не прошу в одиночку сражаться против всего флота, но, чтобы держать марку, придется тебе приложить усилия и отправить вниз хотя бы парочку подобных исполинов.

– Меня не волнует моя репутация, просто обидно, что заслуги всей моей эскадрильи причисляют мне одному.

– Ну о данной миссии тебе волноваться не стоит. Тебе выпала честь поработать плечом к плечу с такими легендами, что за право приписать на свой счет хотя бы один корабль придется изрядно потрудиться. И главное, – голос капитана опустился до яростного шепота, – я хочу, чтобы ты научил их всему, что знаешь сам. Когда дойдет до боя, мы сможем рассчитывать только на свои силы. И если что, у каждого будет право только на один удар. И мне надо, чтобы этот единственный удар был смертельным для любого вражеского корабля, начиная с «Молнии» и заканчивая одним из «Триумвирата».

– Я готов, – неожиданно спокойным тоном отозвался Витгефт. Его душа впервые за последние пару дней начала обретать что-то похожее на спокойствие. Он снова в деле, за которое не стыдно отдать свою жизнь. – Когда начинаем?

– По идее, надо было еще вчера, но поскольку вы еще не совсем готовы, то завтра. – Дрейк вновь по-пиратски ухмыльнулся и добавил: – И постарайся за это время убедить своего нового товарища, что технику нужно беречь. У меня нет никакого желания тащить за собой транспорт с запасными ганботами.

Глава 6

Тренировки пилотов начались через три дня. Причина была проста: сосредоточившись на том, чтобы поскорее выпустить «Давыдова» из доков, начальство как-то упустило из внимания вопрос с новыми ганботами. И если Виттефт дни и ночи был занят тем, что вместе с Роджером обсуждал и изучал вероятную тактику боя, то Игорю пришлось провести эти дни в относительном безделье.

Правда, не сказать, что в эти дни не происходило ничего. Так, Сакамото довольно радикально решил вопрос с проживанием, переведя весь секретный отряд на одну из учебных баз. И именно там и начало формироваться ядро будущей ударной группы. Виттефт предполагал, что оно будет состоять из довольно известных личностей, но даже представить себе не мог, насколько.

Достаточно было в казармах прозвучать имени Пауля Шварца, как почти весь персонал, включая техников и прачек, выбежал наружу, дабы воочию узреть живую легенду. Майор с трудом удержался, чтобы не присоединиться к ним. Перечитав личное дело этого человека, считавшегося одним из самых результативных торпедоносцев на всем флоте, он даже испытал легкое чувство зависти. Конечно, на нем не висело прозвище Убийцы Дредноутов, но зато количество сбитых транспортников достигало трехзначной цифры, причем большую часть атак он провел в одиночку.

В реальности герой оказался крайне молчаливым типом, явно страдающим от бессонницы. Как оказалось, его в буквальном смысле вырвали из боя, направив к новому месту службы. Несколько фраз, оброненных им, хватило Дмитрию, чтобы понять уровень интенсивности боев за Треугольник. Похоже, что Сакамото был прав и конфедераты всерьез вознамерились захватить эту территорию. Учитывая, что они пока лишь только прощупывали оборону, было страшно представить момент, когда они возьмутся за него всерьез.

С Антоном Куроки, несмотря на его не меньшую известность, подобного не повторилось, но тут следовало принять во внимание, что в отличие от коллеги прибыл он ночью. Также он умудрился отличиться тем, что привез с пяток здоровенных ящиков с различными инструментами и приспособлениями, а в комплекте к ним личного механика.

Последний изрядно удивил Виттефта. Он привык к тому, что пилотов набирали обычно из низкорослых мужчин, но Руперт Ланге умудрился превзойти их всех, будучи майору по грудь. Еще больше он удивился, узнав, что попутно механик является также вторым пилотом и стрелком.

– Не думал, что у нас в армии набирают и гномов. Надеюсь, у вас нет с ним проблем? – тут же задал он сакраментальный вопрос.

– Мы очень удачно дополняем друг друга, – философски ответил пилот. – Я быстрый, а он умный. Почти половина моих побед – это его рук дело.

– А ящики зачем?

– Пилоту мало познать свою машину. Он должен сам, своими руками довести ее до совершенства. Правда, в этом конкретном случае руки будут принадлежать Руперту, но сути дела это не меняет. Впрочем, объяснять ничего не буду, машины доставят, сами все увидите.

Но машин пока не было, и Виттефту приходилось больше на словах объяснять примерную суть дела. Поскольку сама операция считалась пока секретной, то до объяснений он не снисходил, предпочтя раздать только свои собственноручно разработанные схемы слабых мест кораблей. Пилоты в целом позитивно оценили данный труд, согласившись, что при определенных условиях толк от него должен быть. Вот только условия эти были крайне специфичными.

Особых напряжений и трений в команде не возникало. Каждый отлично понимал, что от окружающих людей зависит будущее выживание в бою. Единственный конфликт произошел в

день появления Ольги Страховой. Про эту летчицу, как и про всех прочих, ходило немало баек. Так, говорили, что, потеряв всю свою семью в Каменногорске, стертом с лица земли бомбами конфедератов, она превратилась в безумную фурию.

Так это было или нет, сказать сложно. Но взгляд Ольги показался Витгефту крайне тяжелым и мрачным. Возникло ощущение, что женщина заранее воспринимала всех как врагов и готовилась в любой момент нанести удар. И очень скоро майор лично увидел подтверждение своих слов. Так уж получилось, что, выходя из канцелярии, она наткнулась на Игоря, который тут же поспешил ее облапать. Реакция последовала незамедлительно, пощечина и серия ударов, направленных на то, чтобы вырубить обнаглевшего офицера.

Правда, с Игорем этот фокус не прошел. С легкостью уклонившись от всех атак, он всего лишь хмыкнул и, обойдя Ольгу по дуге, направился к своему непосредственному начальству. В спину ему тут же полетели откровенно прямые угрозы, которые капитан словно даже не заметил.

– Славная девочка, – весело произнес он. – Судя по нраву, совершенно свободна. Меня это устраивает.

– Ты это чего? – насторожился Дмитрий.

– Как чего? – изумился нерадивый подчиненный. – Хочу с ней плотно пообщаться и помочь сбросить неконтролируемую агрессию. А то слишком много ее накопилось. Ладно на врага ее выплескивать, но свои-то в чем провинились. Мало нам жертв от дружеского огня? А так, глядишь, станет помягче и пообщительней.

Витгефт лишь тяжело вздохнул. С одной стороны, ему не нравилось, что среди членов отряда могут возникнуть отношения. Но с другой, в небе каждого из них поджидала неминуемая смерть. Садясь в кабину ганбота, ни один пилот не был уверен в том, что ему удастся вернуться обратно. В таких условиях запрещать хоть малейшие радости жизни выглядело кощунством, поэтому, несмотря на все бурление в душе, вслух он выразился кратко:

– Не испортить ее и не слишком увлекайся. Вам еще войну выигрывать надо.

Практически сразу после этого инцидента наконец прибыли новые машины, и период откровенного безделья закончился. Про «Десмоды» ходило немало слухов среди летного состава, и Витгефт наконец смог своими руками ощупать эти машины и убедиться, что они не являются мифом.

Первое впечатление оказалось вполне положительным. Будучи развитием дальнейшей идеи «Акулы», они были лишены ее недостатков. К счастью, наконец-то исчез так мешавший всем торпедный отсек, замененный системой подвесок. Последнее позволяло разнообразить вооружение ганбота, а учитывая боевую нагрузку, достигающую до шестисот килограммов, превращало ее в относительно смертоносную машину. Две двадцатимиллиметровые скорострельные курсовые пушки давали уверенность в возможности противостояния даже тяжелым истребителям конфедератов.

Скорость и маневренность при такой нагрузке, конечно, оставляли желать лучшего, но все компенсировала броня. Последняя вызывала уважение, поскольку в теории машина с легкостью могла выдерживать обстрел даже из тяжелых пулеметов. Учитывая стоящую перед ними задачу, совсем не лишняя особенность. Один из техников по секрету прошептал Витгефту и его подчиненным, что во время испытаний один из конструкторов залез внутрь и приказал всей наличной зенитной артиллерии вести огонь по ганботу. Через несколько минут все пулеметы заклинило от перегрева, в то время как сама машина продолжала нарезать круги над полигоном и даже не дымилась.

Конечно, данная история являлась обычной байкой, призванной поддержать боевой дух пилотов, но изучая «Десмод» на практике, каждый из них осознавал, что выдуманная история крайне приближена к реальности. И оставалось надеяться, что суровая реальность не разобьет их иллюзий.

Впрочем, больше брони и вооружения Витгефта обрадовал тот факт, что на каждой машине стояла относительно мощная радиостанция. Возможность ведения переговоров с напарниками значительно расширяла тактические возможности всего отряда. Отныне можно было не переживать, что его сигналов кто-то не заметит. Конечно, радио штука не очень надежная, особенно в условиях близости мистерия, но в их положении оно могло превратить десяток машин в смертоносное подразделение.

А дальше начались суровые тренировки. Витгефт не щадил ни себя, ни своих подчиненных, выжимая из них все. Стратегия, тактика, боевые схемы, все это не стоило ничего до той поры, пока пилот досконально не изучит свою боевую машину и не узнает ее возможности. Особенно это касалось новых моделей. Слишком много детских болезней, не найденных испытателями, преследовали их на протяжении длительного времени.

Так, например, полностью нагруженный «Десмод» очень не любил резких поворотов. В данном случае имелся немалый риск потери управления. У половины машин при испытаниях на максимальной скорости начинались непонятные вибрации, но в этом случае техники знали, в чем проблема, и быстро приводили аппараты в чувство. А вот то, что сброс всех бомб приводил к тому, что облегченный ганбот совершал резкий прыжок вверх, стал для многих пилотов неприятным сюрпризом. Игорь чуть было не подтвердил свою репутацию, лишь чудом разминувшись во время подобного маневра с машиной Куроки. Впрочем, опыт пилотов очень быстро позволил включить эту особенность в число тактических приемов.

Параллельно начались маневры с использованием «Дениса Давыдова». Пилоты, сумев приспособиться к машинам, принялись отрабатывать посадку на корабль. Хотя в данном случае речь шла о том, что они учились быстро и без проблем пролетать внутрь ангара. Задания менялись постоянно. Требовалось совершить посадку в любое время суток, как во время стоянки, так и во время движения корабля. Дрейк даже гонял свой крейсер задним ходом, дабы пилоты могли полностью прочувствовать, что им предстоит.

Где-то на этом этапе и произошло разделение на команды. Хотя Сакамото считал, что в данном случае машины, учитывая квалификацию пилотов, должны были действовать самостоятельно, Витгефт предпочел все же создать боевые группы, разделив обязанности. Игорь взял на себя торпедоносцев, в то время как сам майор предпочел руководить бомберами, благо с последними у него было куда больше опыта работы.

Соответственно, в скором времени тренировки сместились в сторону выполнения уже назначенных заданий. Адмирал не поспешил, притащив несколько старых барж, на которых ударная группа отрабатывала как групповые, так и одиночные атаки. Периодически устраивались учебные воздушные бои, заставляя пилотов все больше и больше подстраиваться под новые машины.

Примерно через неделю после начала занятий сумел отличиться Руперт. Этот гном, воспользовавшись окном в расписании, оседлал машину своего командира, переделывая все на новый лад. Больше всего изумило Витгефта то, что он демонтировал хвостовой автомат, заменив на роторную шестиствольную пушку. Майор с недоверием относился к подобному классу оружия, считая его не очень надежным, недостаточно точным и крайне неэкономичным в плане расхода боеприпасов. Куроки пришлось не один час заверять его, что механик знает что делает.

Чуть позже Руперт показал свое мастерство, сумев отладить одну из машин, которую все посчитали бракованной. Учитывая, что на это у него ушло всего три часа, авторитет механика-коротышки возрос обратно пропорционально его росту. Пилотам пришлось выстроиться в очередь к Куроки, уговаривая его одолжить напарника хотя бы на пару часов. Итог был закономерен, машины разом избавлялись от ряда дефектов, облегчая выполнение боевой задачи.

Также очень быстро выяснилось, что несмотря на весь опыт и профессионализм, большинству пилотов было не чуждо лихачество. Освоив «Десмоды», они моментально начали

соревноваться друг с другом, показывая невероятные маневры, а также демонстрируя поистине фантастические способы бомбежки или торпедной стрельбы.

Проблема крылась во времени, вернее, в его отсутствии. Будь у них в распоряжении хотя бы три месяца, майор бы смело закрывал глаза на подобные поступки, осознавая, что таким образом также приобретает немалый опыт. Но поскольку каждый день был на счету, ему пришлось своим приказом запретить отклоняться от принятых норм.

Тем не менее на фоне всех проблем Витгефт вынужден был признать, что Роджеру приходилось куда тяжелее. Если ударный отряд, включая стрелков, укомплектовали фактически за неделю, то набрать экипаж для крейсера оказалось практически непосильной задачей. Людей с «Быстрого» хватило, чтобы заполнить только половину списочного состава. И, как это всегда бывает, в самый нужный момент свободных матросов практически не осталось.

Доходило до смешного, когда за одного штурмана, мастерски умевшего прокладывать курс сквозь мистерий, чуть не подрались сразу пять адмиралов. Роджер со смехом рассказывал, как их посыльные носились из кабинета в кабинет, пытаясь собрать как можно больше имевших вес бумаг, в то время как бедолага штурман был вынужден несколько часов сидеть в коридоре, гадая, куда его забросит. В итоге Пирату пришлось применить свое мастерство и элементарно похитить нового подчиненного, оставив Сакамото разгребать всю бюрократическую волокиту. Адмирал потом ворчал пару дней, но явно проникся еще большим уважением к своему протеже.

Аналогичным образом ему пришлось забирать пару артиллеристов с одной из береговых батарей. Их командир так вцепился в своих канониров, что отказался их отдавать, несмотря на кучу грозных бумаг. Закончилось все авианалетом в классическом стиле, где Роджеру пришлось применить все свое искусство дипломатии, попутно кивая в сторону висевших за окном ганботов и крейсера.

Не обходилось и без иных конфликтов. Так, в один прекрасный день Куроки услышал крайне нахальное высказывание пары техников по поводу фамильного меча, который он брал с собой в каждый полет. Дело закончилось тем, что до сего момента спокойный и невозмутимый пилот пришел в крайнюю ярость и почти два часа гонял техников по базе, угрожая тем самым мечом. Еще три часа ушло на принятие извинений и покаяний, а самому Витгефту пришлось отпавать начальника технической службы, осознавшего, что его подчиненные были на грани смерти.

Попутно майору пришлось пережить немало неприятных часов, наблюдая за тем, как Игорь ухлестывает за Ольгой. Учитывая резко агрессивное отношение девушки к ухажеру, он даже подумывал о том, чтобы развести их по разным отрядам. Время все расставило по своим местам, и уже через две недели он имел возможность своими глазами увидеть, как суровая летчица с пылающим взглядом внимает словам своего боевого товарища. Никто не знал как, но капитан сумел завлечь очередную жертву в свои сети, вызывая лишь уважительные взоры сослуживцев.

Время текло неумолимо. Отведенные Сакамото два месяца вдруг превратились в полтора, поскольку, по данным разведки, конфедерация приняла решение форсировать свои усилия. Концентрация войск в районе Треугольника неумолимо возрастала, и адмирал наконец был вынужден отдать приказ о завершении обучения. Больше медлить было нельзя. Риск того, что их операция пройдет впустую, возрастал неимоверно, и Роджер наконец получил отмашку.

Пират сумел выпросить пару дней, дабы провести последнюю проверку. Экипаж вполне уверенно справлялся со своими обязанностями, все механизмы работали исправно, а канониры поражали цели, перекрывая все положенные нормативы. Следующий день был отведен на загрузку припасов. Автономный полет, вне поддержки баз, требовал максимальной загрузки. Провизия, топливо, боезапас, инструменты, всего этого требовался двойной, а то и тройной комплект. Матросы шутили, что в крайнем случае можно будет взять на бордаж крейсер кон-

федератов и разграбить его, как в старые добрые времена, но Дмитрию с Роджером было не до шуток.

Последняя проверка подтвердила полную готовность, и Витгефт, стоя на мостике, почувствовал дрожь от набирающих полные обороты турбаниевых двигателей. «Давыдов» медленно, словно нехотя, отрывался от земли, и майор почувствовал легкую волну возбуждения, пробежавшую по телу. Рейд начался.

Глава 7

Маршрут был проложен исходя из условий полной секретности. Конечный пункт назначения знал только Роджер. Даже Витгефт имел лишь крайне смутное представление о том, в каком именно регионе им придется работать. Капитан умудрился запутать даже своих, двинувшись вначале на юго-восток. По кораблю тут же пронесся слух, что они направляются в Вертиго. Данный регион действительно являлся раем для рейдеров. Огромные массы мистерия и тысячи островов являлись удобными местами для засад. А учитывая, что в том месте проходила большая часть маршрутов караванов конфедерации и их союзников, то было логично, что для «Дениса Давыдова» этот регион являлся идеальной целью.

Подобную иллюзию Роджер сумел поддерживать пару дней, после чего резко опустил крейсер к самой поверхности воды. Здесь, в легких потоках мистерия, он был незаметен для большей части наблюдательных средств, и, пользуясь этим, капитан приказал развернуться на юго-запад.

Новый слух моментально всколыхнул корабль, а в кают-компании установилась атмосфера легкого недоумения. По всем расчетам выходило, что они направляются в сторону Треугольника. Никто не спорил, что в стратегическом плане этот кусок скалы имел очень важное значение. Но никто не мог понять, какая в таком случае будет роль у легкого рейдера в будущем эпицентре жестоких боев.

Полеты на малых высотах считались очень опасными. Не раз небольшие куски скалы резко вылетали из-под толщи воды, тараня пролетавшие корабли. Засечь их в условиях вечного мистерия не представлялось возможным, и поэтому большая часть капитанов старалась не опускаться ниже полукилометровой отметки. Но в данном случае риск оправдывал себя, поскольку позволял проскользнуть незамеченным.

Под Треугольником они прошли поздно ночью. Вахтенные шепотом травили байки и упорно пытались расслышать звуки канонады. Но, видимо, решающий момент битвы еще не настал, поскольку даже акустики не слышали ничего постороннего. Но нервы были напряжены до предела, и поэтому стая дьявольских кошек, внезапно вынырнувшая из потоков тумана и пролетевшая над кораблем, едва не спровоцировала боевую тревогу.

Без неприятных последствий не обошлось. Эти мелкие хищники основательно загадили палубу, вызвав немало загибов в свой адрес. А ближе к утру наблюдатели засекли шум нескольких кораблей, но определить их вид и принадлежность так и не удалось. «Давыдову» пришлось провести пару часов в бесшумном режиме, после чего он продолжил свой путь.

Лишь теперь всем стало ясно, что путь лежит далеко в глубь вражеской территории. Моментально родилось множество невероятных теорий, начиная от обстрела портов Биглэнда и заканчивая бомбардировкой столицы конфедератов. Более осторожные и склонные к рациональному мышлению заверяли всех, что это всего лишь разведка боем для проведения операции по возврату Сахарной Головки. Авторитет Роджера моментально вырос до недостижимой высоты. Мысль о том, что они пересекают территорию, ранее принадлежавшую альянсу, с целью нанести ущерб врагу, приятно грела души членов команды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.